

ДИАНА АРКАДНАЯ

У СМЕРТИ
ТВОЕ ИМЯ

Москва

ДИАНА АРКАДНАЯ

У СМЕРТИ
ТВОЕ ИМЯ

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А82

Редактор серии *Екатерина Тёрина*
Дизайн обложки *Натальи Каишькиной*
Консультант *Александра Фудзисава*

Аркадная, Диана.

А82 У смерти твоё имя: роман / Диана Аркадная. —
Москва : Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-218830-5

Город охвачен страхом. Друг за другом исчезли несколько женщин, а одна из них стала для всех жутким посланием. Убийца играет в кошки-мышки, тщательно выбирая новую жертву. И, похоже, уже знает её имя.

Сабина — не случайная цель. У неё тёмное прошлое, скрывающее кровавые тайны. Теперь, чтобы выжить, ей предстоит бежать. В поисках спасения она находит убежище в отдалённом поместье. Но там, в глухом лесу, кошмар лишь начинается.

Убийца уже рядом. И когда страх проникает под кожу, остаётся лишь один вопрос: как победить того, кто прячется в тени?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Аркадная Д., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-218830-5

Глава 1

В какой момент человек становится способен на убийство? Сознательное, хладнокровное лишение жизни другого человека. Что должно произойти в душе и разуме, чтобы это стало возможным? Порок ли это, изъян, данный при рождении, которому суждено однажды проявиться?

Перепачканные штаны, когда-то бывшие белыми. В левой руке, страшно неподвижной и словно бы потерявшей все краски, зажат сухой цветок нарцисса.

Руки сами тянутся к чужому горлу, прижимаются в попытке поймать ниточку бьющейся жизни, касаются глаз, а затем бессильно опадают. Зачем она делает это, сама не знает, ведь понимает, что уже поздно. Нож с вырезанной искусной рукой рукояткой торчит из живота, а вокруг места, где лезвие распирает багровую рану, вьется особенно крупная и яркая надпись, оставленная кровью.

Когда у нее выходит разобрать написанное, ей приходится на миг задержать дыхание, чтобы вернуть утекающий как вода сквозь пальцы самоконтроль. На теле кто-то оставил не просто слово — имя.

Ее имя.

За день до этого

Жизнь покидает старика, лежащего перед Сабиной. Девушка почти физически может ощутить то, как с перебоями бьется чужое сердце, из последних сил качая кровь в тонких стенках сосудов. Она наклоняется к лицу умирающего. Глаза того полуприкрыты, но со своего места Сабина все равно может рассмотреть тот особенный блеск, что появляется во взгляде во время предсмертной агонии. Это зрелище заставляет ее цепенеть даже спустя много лет.

Она наблюдает, не в силах шевельнуться. Время в сознании настолько замедляется, что каждый щелчок секундной стрелки на ее наручных часах разносится эхом.

Щелк... Щелк... Щелк...

Сухие губы с беловатым налетом чуть шевелятся, рождая бессвязное глухое бормотанье, похожее то ли на шелест, то ли на хрип. Сабине всегда интересно слушать звуки, рожденные исчезающим разумом перед ослепительным мгновением своего полного угасания.

Чаще всего это музыка без слов, в которую складываются шорохи и свисты, не несущие никакого значимого смысла. Но иногда... Наружу стремится вырваться потаенное, порой постыдное, порой печальное. Кто-то из умирающих делится сокровенным в здравом уме, исподволь, словно случайно роняя пару фраз и умолкая, а кто-то — в исступлении бреда, заставляя ее гадать, был ли в сказанном смысл.

Сабина склоняет голову почти к самому лицу умирающего и прикрывает веки, вслушиваясь в прерывистые звуки. Неожиданно ощущает чужую хватку у себя на левом плече, удивительно крепкую

первые несколько секунд, но почти сразу ослабевающую. Даже не вздрогнув, она медленно открывает глаза и встречается взглядом с лежащим перед ней пациентом, кажется, пришедшим в сознание.

— Д..вл, — говорит тот неразборчиво, но девушка точно знает, какое слово рвется на волю с потрескавшихся губ. «Дьявола» старик поминал часто, хотя речь его была разорванной и мысли то и дело соскальзывали с одного на другое. Каждый раз, как Сабина видела его, искривленный пережитым инсультом рот исторгал из себя очередное ругательство, которое падало в тихий гул палаты с тяжелым стуком, с шорохом прокатывалось до окна и там растворялось в уличном гомоне.

Грудь старика застывает на какое-то мгновение, понуждая и Сабину задержать дыхание, в последний раз поднимается в судорожном рывке и очень медленно, почти незаметно начинает опускаться. Короткая судорога проходит и по остальному телу, заставляя простыни сбиться.

Все.

Девушка с еле слышным присвистом выпускает воздух из легких и только теперь начинает нормально дышать. Возвращаются все звуки, вновь обретают четкость покрашенные в зеленый стены и очертания других коек в палате, сейчас пустующих.

Она еще немного стоит, затем наклоняется к мертвецу и осторожно закрывает ему веки. Мимолетно смотрит на часы, показывающие четверть пятого утра: нужно отметить в обходном листе время смерти.

Саднящее ощущение возникает у нее в основании шеи и заставляет обернуться. В палате пусто, но Сабина готова поклясться, что на долю мгновения почувствовала чужой взгляд. Она быстро про-

ходит к полуприкрытым дверям и ловит ускользающий отзвук чьих-то легких шагов. Выглядывает наружу и молча рассматривает такой же пустой коридор, озаренный лишь тусклым светом больничных ламп. Одна из них вдруг начинает мигать, искажая падающие тени, и девушке кажется, что она замечает краем глаза мелькающий силуэт где-то слева от себя, но, стремительно развернувшись, вновь никого не видит. Ей слышится тихий смешок, от которого скрутило живот и сбилось дыхание. Замерев на месте, Сабина прикрывает веки, отгоняя непрошенные мысли и возвращая себе спокойствие. Она просто устала. Возможно, ночные смены лучше какое-то время не брать: нехватка сна вдавливают в разум искаженные образы. Когда она открывает глаза, лампы вновь светят ровным светом, а в коридоре никого, кроме нее, нет.

* * *

На следующий день моросит с самого утра. Тяжелые тучи тесно напирают друг на друга и в любой момент грозят обрушиться на город стеной воды. Время в такие дни тянется медленно, ничем не обозначая смену часов. Сабина стоит под козырьком дежурного крыльца и стискивает на плечах шаль — пожалуй, слишком тонкую для осени, выдавшейся в этом году особенно холодной.

— Иночка, — окликает ее из-за спины старшая медсестра, Любовь Григорьевна. Пожилая женщина относится к ней с материнской заботой, которой Сабина никогда не видела от собственной матери.

Последний раз вдохнув холодный воздух, девушка разворачивается и возвращается в тепло боль-

ницы. Старшая коллега ждет ее в предбаннике, она чем-то взволнована, лицо бледнее, чем обычно, а глаза потемнели от тревоги.

Они вместе идут обедать в больничную столовую, где пациенты сидят вперемешку с персоналом. Любовь Григорьевна молча поглощает первое, и Сабина из-под ресниц наблюдает за тем, как напряжение понемногу покидает лицо женщины.

«Как мало нужно человеку, чтобы освободиться от тревожащих дум», — размышляет она. Мысли неспешно перетекают с одного на другое, пока рука без всякой цели возит по еде в тарелке. То мелькает вспышкой воспоминание о вчерашнем вечере, то разрозненные реплики, услышанные краем уха то тут, то там, словно застревают в фокусе внимания, рождая любопытство. Девушка чувствует себя будто в полусне, и как бы хотелось, чтобы сытная еда смогла избавить ее от не покидавшей несколько недель внутренней необъяснимой маеты. Она не оставляла ее ни в больнице, ни по дороге домой, где ей все мерещился чей-то внимательный взгляд, ни в маленькой квартирке, приходя в которую Сабина падала в холодные простыни и без сна проводила всю ночь. Тусклое как пыльная тряпка беспокойство часами не давало мыслям успокоиться, и они бесконечным хороводом сменяли друг друга до самого утра. Когда же наконец наступало будто бы затишье и получалось задремать, оставляя тревогу на поверхности сознания, как круги на глади озера, образы из самых глубин памяти проникали через игольное ушко спящего разума и кричали в голове разноголосицей, устраивали диковатые пляски и кружили, кружили Сабину в своем дьявольском хороводе, заставляя вздрагивать всем телом и просыпаться.

Что-то происходит. Но она пока не может распознать: внутри ли, снаружи ли. Лишь чувствует приближение неминуемого изменения, трещины, что разделит ее жизнь на «до» и «после», как это уже случалось прежде. А пока все, что в ее силах, — продолжать привычный и налаженный ритм такой драгоценной рутины.

К ним вскоре присоединяются две другие младшие медсестры, Ангелина и Маша, и ординатор Андрей. Их часто видят втроем, поэтому Сабина невольно объединяет их в одно целое трио всякий раз, как думает о них. Представлять их по отдельности, каждого как личность (живого человека, в конце концов) отчего-то не получается, и они остаются в ее воображении как некая идея без четкой формы и содержания. Трое молодых людей, коллег, которые все говорят и говорят о чем-то между собой, смеются, обмениваются фразами, вроде бы имеющими значение, но остающимися бледным росчерком карандаша на бумаге — черновиком без смысла и наполнения. Она видит их лица, выражения на них, однако не может свести видимое ни к эмоции, ни к какому-то отношению. Это оттого, что смысла за всем этим нет? Или он остается Сабиной непонятым?

Трио к Сабине относится и вовсе с опаской: приветливые с другими, к ней у них иное обращение, и она ясно замечает это, что делает мимолетное общение еще более неловким с обеих сторон. Она знает, в чем причина, и это знание наполняет ее неясным чувством, заставляющим порой избегать их общества, а иногда — очень редко — специально искать его, чтобы хоть на секунду насытить злость внутри себя их страхом. В маленьких городках слухи живут долго, преследуют тебя шорохом

недомолвок и косых взглядов, как мелкая щебенка вбиваются в спину эхом шепотков. Сколько же времени должно пройти, чтобы все забыли, стерли с ее лица этот смертельный приговор?

— Такой ужас, опять бесследно, — говорит Ангелина, и Сабина понимает, что пропустила какую-то часть беседы. — Двое детей остались, она одна воспитывала.

— Вышла в магазин и не вернулась, — подхватывает Маша. — Все повторяется один в один. Наверняка скоро начнут еще находить. Ну, вы знаете: тела...

— Маша! — одергивает ее строго Любовь Григорьевна. — Не за столом. И вообще, к чему эти сплетни распускать?

— А что такого? — пожимает плечами медсестричка и поворачивается за поддержкой к приятелям. Под конец даже смотрит на Сабину, но быстро отводит взгляд. — Все и так всё знают, разве нет? Оттого, что будем молчать, это прекратится?

Андрей кивает:

— Власти ничего не делают, как будто все в порядке. Я вообще считаю, что это дело рук не одного человека. Может, преступная группировка какая-то у нас объявилась и людей похищает на органы, а мы сидим молча.

Любовь Григорьевна поджимает губы и качает головой. Она выглядит разозленной и подавленной одновременно, и Сабина задается вопросом, что в разговоре послужило тому причиной. Была ли это возможная смерть женщины? Или всему виной страх, что уже третий год шелестит в голосах людей словно песчаная змея, стоит кому-то вспомнить, заговорить, рождая новую волну будоражащих сознание сплетен.

Женщины пропадали в их маленьком городке одна за другой третий год подряд, и то, что сначала было сочтено рядовыми случаями, вскоре выстроилось в страшную систему. Все окончательно изменилось, когда было найдено тело — всего одно, искалеченное с жестокостью, поражающей воображение. Только после этого тревожные домыслы об исчезновениях переродились в скручивающую нутро идею о неизвестном убийце, не оставляющем за собой следов и скрывающемся среди жителей. Один из них. Может, это тот сосед из квартиры напротив, странный нелюдим? Или коллега, что сейчас залиvisto смеется в ответ на простецкую шутку, а следом замирает и с погасшей на губах улыбкой смотрит в пустоту? А что, если и вовсе член семьи? Уродство, подобравшееся так близко, на расстоянии вытянутой руки — рассмотри, дотронься, позволь могильному холоду проникнуть сквозь самые кончики пальцев вглубь мозга засевшей на подкорке мыслью, подозрением, и больше никогда не спи спокойно. Вдруг убийца прямо рядом с тобой? Вдруг ты — следующая жертва?

Расследование велось, дела давно объединили в одно и расследовали скопом, но все было впустую. Ни улик, ни подозреваемых — ничего, будто тело — то самое — взялось из ниоткуда. Да и были ли другие? Об этом тоже нельзя было судить наверняка, из пропавших женщин ни одна не объявилась, как это случалось порой в мирных исходах таких историй, и о судьбе их было неизвестно. Первое время после начала исчезновений бывало, что загуляет кто из молодежи, а потом вернется домой как ни в чем не бывало или сорвется в другой город на выходные, никого не предупредив. Теперь же все было иначе. Люди были испуганы. Осторожны.

Недоверчивы. Но женщины не прекращали исчезать.

Трио продолжает обсуждать — уже между собой — пикантные подробности, и Сабине делается не по себе, сама не знает отчего. Она встает вслед за Любовью Григорьевной и оставляет звуки безразличных слов позади. Та идет с резко выпрямленной спиной, и во всем теле пожилой женщины в такт биению сердца стучит глухой дробью недовольство. Они складывают подносы на стойке для грязной посуды и покидают столовую, которую словно улей начинает охватывать какофония шепота. Да, все испуганы. И им нужно почувствовать, что те, кто рядом с ними, тоже боятся. Что они просто люди.

* * *

Вечером, в конце смены, Любовь Григорьевна приглашает ее на чай. Они сидят в небольшом закутке комнаты отдыха и говорят обо всяких пустяках и курьезах, которых за день успело накопиться немало. Сабина вспоминает, как точно так же проводила окончание своего самого первого дня в этой больнице, да и в должности медсестры в целом. Они чаевничали, а старшая медсестра расспрашивала новенькую про ее жизнь, только что закончившуюся короткую учебу, родительскую семью. Девушка размышляет, что же она тогда отвечала, но на ум приходят только лишенные особого смысла скупые описания да выхолощенная вежливость фраз. С каждым годом то время — только-только после начала нового этапа ее жизни — словно покрывалось пылью, тускнело, теряло себя, как увядающее в силках сорняков брошенное растение. Сабина об этом не жалела. В конце концов, там не

было ничего, о чем стоило бы помнить, — так она считала.

На город понемногу опускаются сумерки, последние солнечные лучи, выглянувшие из-за пордевших туч, отголосками скорой ночи мягко подсвечивают скаты крыш, и старшая медсестра, бросая взгляд за окно, а затем на часы, хмурится и качает головой.

— Что-то мы засиделись, — говорит она, отставив чашку с недопитым чаем, уже третью, на тревожно звякнувшее блюдце. — Совсем забыла про время, ты меня в следующий раз одергивай, теперь по тмени будешь возвращаться. Может, такси возьмешь?

— Ничего, мне близко. — Сабина улыбается. Эта мимолетная забота старшей коллеги ей по душе, она наполняет ее внутри, как вода наполняет пустую тару.

— Ну ладно, собирайся тогда, только, как зайдешь домой, напиши СМС, хорошо? Мне что-то беспокойно. Трещотки эти вечно болтают, что на уме, то и на языке. — По всему выходит, что обеденные разговоры Любовь Григорьевну сильно впечатлили. Да что говорить, Сабина тоже не осталась равнодушной. — И знаешь что, смены ночные со следующей недели пока больше не бери. Ты и так чаще всех здесь полуночицаешь.

Девушка, коротко подумав, согласно кивает.

— Я и сама об этом думала. Со сном совсем плохо стало последнее время, — объясняет она.

Может, если наладится график и восстановится режим, это неясное выедающее беспокойство наконец уйдет? До выходных, впрочем, ей предстоят еще два ночных дежурства.

Когда они, переодевшись, выходят из здания больницы, уже совсем темно. Любовь Григорьев-